

Супергерой негероического времени

Валерий Приемыхов начинает съемки нового фильма «Кто, если не мы»

Общая газета. — 1998. — 28 мая — 3 июня, — с. 10

«ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ какой-нибудь шампунь, от которого быстрее растут волосы?» — неожиданно встретил корреспондента «ОГ» актер и режиссер Валерий ПРИЕМЫХОВ. На прошлой неделе его новый фильм «Кто, если не мы» прошел утверждение на совете киноконцерна «Мосфильм». 1 июня — первый съемочный день.

— Зачем вам понадобился шампунь?

— Я снимаю так называемый «семейный» фильм, «детскую историю». Хотя это неудачные определения, да и как можно определить, например, жанр фильма Люка Бессона «Леон»?

Это история двух четырнадцатилетних мальчиков из маленького провинциального городка, которые приезжают в Москву зарабатывать деньги. Мечтают стать миллионерами, поют в переходах, а потом грабят универсам. Моего героя не сажают в тюрьму только потому, что ему не хватает месяца до 14 лет. Он встречает взрослого человека, которого буду играть я. А шампунь... Детскую картину снимать сложно: оглянуться не успеешь, как герои вырастают. У меня героиня за год чуть ли не на 10 сантиметров выросла — так меня подвела. А другой — взял вчера и побрился наголо. Месяц ходил человеком и вдруг приходит абсолютно сизым. Хоть парик шей — совершеннейший болван (смеется).

— Пересказанный сюжет довольно привычен для ваших прежних картин. Все они — остро социальные. Новый фильм не станет исключением?

— Это будет романтическое, даже сентиментальное кино в духе О'Тенри. Сегодня болевой порог у населения стал настолько низок, все кажется таким пасмурным, что люди готовы радоваться простому солнечному лучу. И если кто-то из зрителей пустит слезу, я буду счастлив.

Я люблю снимать детские фильмы — они гораздо более долговечны, чем взрослые. Не случайно у меня — и как у постановщика, и как у исполнителя главной роли — не было неприбыльных картин. Речь не о том, что я хочу остаться в вечноности, просто у любого фильма должен быть запас прочности.

— Вы легко нашли деньги на картину?

— Это они меня нашли. На «Мосфильме» лежал мой сценарий, написанный для Елены Цыплаковой. Вдруг мне предложили снимать самому. Я растерялся, но не отказываться же? Меня устраивает, что наш фильм должен быть завершен за 8 недель. Если бы процесс растянулся на 5 лет и надо было искать деньги, просить и уговаривать, прибавьте к этому мое чувство ответственности сталинского времени, — я бы убежал от такой картины как от огня.

— Какие они — ваши герои?

— Совершеннейшие маргиналы (смеется). В основе сценария — два моих давнишних рассказа. Но не думайте, что «дедушка» навлял что-то двадцать лет назад и решил, что, если поставить это сегодня, все получится отлично. Я «наложил» сценарий на то, что вижу вокруг, — оказалось, в этом нет никакой подтасовки. Молодые люди во все времена одинаковые, с одинаковыми мыслями, с одними и теми же чувствами. Другое дело, что они по-разному выражены — другим цветом, другой мастью, — и иногда мы можем их не узнать. Когда мои ровесники начинают хаять свое прошлое, меня просто жуть охватывает. Все твердят о «застое» и «стагнации». Лично у меня в то время была девочка по имени Элла, и мне было совершенно наплевать на всякие стагнации.

Недавно я побывал на студенческом фестивале «Святая Анна», посмотрел сто пятьдесят картин. Мне страшно понравилось. Мы же ничего не знаем о сегодняшней молодежи. И раньше-то плохо знали, но тогда хотя бы можно было сравнивать официальные данные с неофициальными, а сегодня нет никаких данных.

Все почему-то уверены, что нынешние молодые не могут работать бесплатно. А мы, например, заранее знаем, что будем перерабатывать. И мой оператор Александр Носовский — между прочим, из модных сегодня клипмейкеров — готов работать бесплатно.

— Клипмейкеры не в счет. Все они мечтают снять настоящее кино.

— Но не все согласны бродить

по колено в грязи сутками, выбирая натуру. Большинство уверено, что режиссер — это человек, который сидит на стульчике, курит и на всех покрикивает. Я человек со старыми представлениями о работе, со старыми представлениями о профессии.

Когда-то мы с Динарой Асановой писали сценарий «Роды» (нам его закрыли, сказав, что члены политбюро — люди старые и не любят смотреть «про больницу»). Мы относились к профессии серьезно: ходили по роддомам, оставались на дежурства, разговаривали с женщинами в предродовом психозе. Меня «засосала» эта совершенно фантастическая тема. Вся прелесть была в том, как показать больницу — закрытое помещение, — чтобы это было жутко интересно. Правда, история с этим сценарием закончилась совершенно непрофессионально. Хотите расскажу?

Дело было так. С каждым Новым годом жизнь кажется хуже и хуже. Ждешь-ждешь Новый год, он приходит, проходит — пшик. Как-то раз я подумал: ну что я жду? В 11 налью рюмку, где-то ближе к часу я напьюсь, начнутся пьяные бредни, а утром дурная голова. В углу — как немой укор — никому не нужная елка.

Как может отпраздновать Новый год настоящий мужчина? Я беру путевку в Дом творчества Репино, покупаю билет в спальный вагон «Стрелы», две бутылки шампанского, хватаю печатную машинку, рукописи. Предлагаю: пустой поезд, я в одиночестве, шампанское, стук колес — короче, «автор за работой». Но перед поездом не смог удержаться и заехал в гости. Когда до поезда оставалось минут двадцать, еле поймал машину, в руках — чемодан и сумка. Успел. И только в поезде понял, что при мне одна сумка — чемодан остался в машине.

— А где было шампанское?

— Правильно спрашиваете — слава богу, в сумке. На меня навалились пьяные французы, совершенно не понимающие по-русски. Полночи я объяснял им, что потерял «манускрипт». Французы решили, что я... археолог (хохочет). Когда закончу снимать кино, собираюсь восста-

новить этот утерянный сценарий.

— В новой картине вам не удастся просто сидеть на стульчике хотя бы потому, что вы будете играть одну из главных ролей...

— Я отказывался до последнего, целых три месяца. Во-первых, я уже старый, и поверьте, что это не кокетство. А во-вторых, продолжаю быть уверен, что актерство — глубоко дамская профессия. Раньше, чтобы два мальчишки говорили о третьем и ему этого не высказали, — это была жуть какая-то! А в театре... В первом акте скажешь «Кушать подано», а во втором делать нечего — и давай обсуждать ближнего. Я действительно предпочитаю существовать обособленно.

— Почему же вы согласились?

— А потому что нету актеров. К сожалению, артисты — как и любые профессионалы — воспитываются довольно поздно. Я снимаю Сергея Безрукова и очень за него боюсь: он слишком рано выработался, слишком рано стал профессионалом. В нем есть что-то удивительное — я это называю провинциальностью. Такая провинциальность обычно бывает свойственна артистам старшего поколения, ее нельзя объяснить, можно только сказать: «Это народный артист». А посмотрите на этих народных — тех же Папанова или Яковлева — в молодости. Один пшик, да и только.

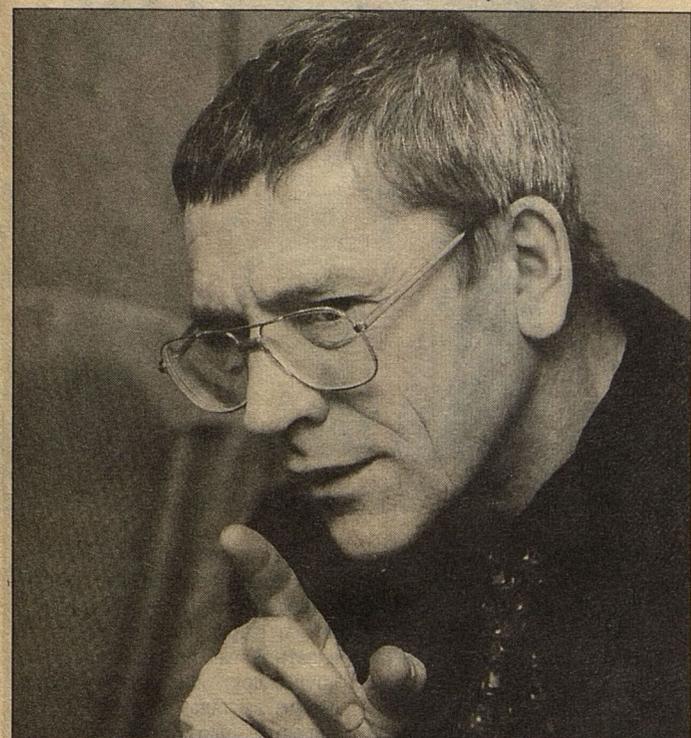
— Может быть, вы так считаете из-за того, что сами довольно поздно стали известным актером?

— Это Сергей Соловьев однажды у меня спросил: «А откуда ты, собственно говоря, взялся?» Я действительно как будто запоздалый. От этого, наверное, и пришел в режиссуру — уже знал, чего хочу, уже знал, как этого добиться. От этого же стал писателем...

— ...от этого выступаете в амплу настоящего мужчины, безусловно положительного героя. Вас, наверное, засыпают письмами с вопросами о смысле жизни?

— Это еще не самое страшное. Гораздо хуже — поклонник на мою долю выпало маловато. Ко мне слишком серьезно относятся.

— Зато от поклонниц не было отбоя, когда вы жили во Фрунзе и были «героем города». Сами от

Приемыхов считает актерство дамской профессией

всего отказались, бросили и поехали «покорять» Москву. Сегодня, когда вы так превозносите провинциальность, могли бы вернуться к прежней жизни?

— Нет, и это трагедия. Моя дочка — она уже москвичка. Смотрит на меня, как на ископаемое. В свое время на меня так же реагировал отец. Я его бесил: немислимыми белыми пиджаками, стоящими волосами и узкими штанами. Он, правда, ко мне не лез, однажды решив, что с «придурка» взять нечего. Я не хочу показаться благодетельным старикашкой, но на нынешнюю молодежь стараюсь не раздражаться.

— Выходит, что в жизни вы такой же положительный, как и на экране?

— Гораздо хуже. Помню, как переживал на своих первых кинопробах, на фильме «Жена ушла». Мне было уже 33 года, и, наслушавшись всякого шаманства, я думал: пленка видит человека насквозь. Все сразу поймут, какой я подонок. Но страхи оказались напрасны: пленка ничего не видит. Она только позволяет тебе совершить то, что ты не в силах совершить в жизни.

— В новой картине вы совершаете такой поступок?

— Пожалуй, нет. Я играю сливающегося человека, для которого встреча с мальчиком — спасение. Это в «Папанах», в «Холодном лете», в «Крестноносце» я играл то, что никогда не смог бы сделать в настоящей жизни. Помните слова чеховского героя: «Да, я был молод, горяч, я обличал недодяев и подлепов, но никогда в лицо вору я не сказал, что он вор, и в доме повешенного не говорил о веревке. Я был воспитан». Я, наверное, тоже воспитан и потому не могу сказать мерзавцу, что он мерзавец. А это необходимо делать, иначе ты сам оказываешься виноватым. Надо себя любить.

У нас вообще нация себя не любящих. У меня была тетка, она говорила: «Прожила, как за бором вы...лась». Мы почему-то уверены, что все только начинается, что наша жизнь — репетиция. Когда молодежь живет будущим — это естественно, а дядькам моего возраста пристало жить в настоящем. А я живу, как будто все еще впереди.